

Жизнь в гареме не сильно отличалась от той, к которой Бай Лао привык. Конечно, никто не собирался делать ребёнка наложником. Его поселили в крыле для слуг, выдали простую, но хорошего качества одежду и даже поручили остальным служанкам приглядывать за ним и обучать. Работа ему, в основном, доставалась простая — таскать воду для омовений, мыть грязную посуду или помогать другим с уборкой — ничего такого, к чему Бай Лао не был приучен раньше.

Сложнее дела обстояли с правилами. Первый укол страха он испытал уже тогда, когда момо[1] — грузная женщина почётного возраста — строго глядя на него, едва начала свой, казалось, бесконечный рассказ. Правил было много и все они, в целом, сводились лишь к тому, что слуга — не более, чем собственность, тень танцующего на ветру шёлка чужих одежд. Бай Лао перестал слушать где-то на середине, отвлекшись на медленное кружение пылинок в золоте солнечного света, льющегося из окна. Хлёсткий удар по плечу гибкой ивовой плетью быстро привёл его в чувства.

— За неуважение к своей момо. — Назидательно сказала женщина, перед которой он так старался сидеть ровно, что уже почти не чувствовал спины.

— Извините, — сказал он, склоняя голову.

Но резкая жгучая боль вдруг укусила за второе плечо.

— Неверно!

Слёзы острыми осколками замерли в уголках глаз и, упёршись лбом в нагретые солнцем половицы так, что тяжёлая золотая серёжка глухо ударилась о дерево, Бай Лао исправился:

— Этот никчёмный слуга просит прощения.

Момо удовлетворённо хмыкнула, отложив плетль, но оставив её в зоне видимости. И Бай Лао вдруг осознал, что потерять место, которое он привык называть домом и всех людей, которых и семьёй-то с трудом можно было назвать, оказалось не так больно, как потерять самого себя.

Иногда ему снилось, что он сбежал, прибился к торговому каравану и был абсолютно свободен. Обгоревшие на солнце лица торговцев улыбались ему и поправляли лёгкую бамбуковую шляпу своими сухими мозолистыми руками. А потом спину обжигал удар[2] и он резко выныривал из тёплых вод сна на поверхность жестокой реальности, встречался глазами с очередной служанкой и обречённо дожидался рассвета.

Золото в его левом ухе, мягко звеня при каждом движении, напоминало, что убежать невозможно.

Бай Лао иногда теребил серёжку — прокол уже не доставлял ощутимой боли — и вспоминал ту

улыбчивую девушку, что привела его к фонтану во внутреннем дворе. Ему хотелось увидеться с ней, но к глубокому сожалению, он никак не мог вспомнить ни имени, ни даже внешности. Ему помнился только запах персикового цвета и бледно-розовый шёлк. Должно быть, думал Бай Лао, она занимала высокое положение и ему, допущенному только к черновой работе, вряд ли в скором времени доведётся снова с ней встретиться. Он вздохнул, в последний раз припомнив её переливчатый смех, и покрепче перехватил тяжёлое ведро, которое тащил в купальни. Но то ли судьба слишком любила Бай Лао, то ли наоборот, ведь он точно не мог ожидать, что девушка, занимавшая его мысли, просто задорно окликнет его из-за угла.

— Вот ты где, абрикосовые глазки!

Ведро выскользнуло из тонких детских пальцев, откатилось к стене, и Бай Лао замер, с ужасом рассматривая огромную лужу на полу. Сразу вспомнился случай, когда ему доверили стирку, а он не подумал разделить вещи по цветам и все ткани перекрасились. Он тогда так долго стоял на гречке, что на миг ему показалось, что он больше никогда не сможет ходить.

Лужа всё растекалась и растекалась, и Бай Лао не смог остановить себя. Он разрыдался, так горько и так по-детски.

— Эй, ну ты чего? — В тонком девичьем голосе звучало волнение, когда вихрь розовых шелков опустился перед ним на колени. — Это же всего лишь вода. Я напугала тебя? Извини.

Бай Лао провёл в гареме чуть больше недели, но он прекрасно знал, что никто не просит прощения у слуг. Это он должен был упасть на колени и умолять, но вот он здесь, стоит и рыдает, пока госпожа так заботливо гладит его по щеке. Её руки были такими тёплыми и нежными, что осознание этого заставило Бай Лао расплакаться ещё сильнее.

На шум начали сбегаться другие служанки и Бай Лао задушенно пискнул, когда из гула голосов узнал строгий окрик момо.

— Бай Лао, маленький ты паршивец!

Момо была в ярости, звонко топая по разлитой воде. Она почти подошла к нему, но замерла, наконец заметив нежно-розовые одежды.

— Чуньшен-сяньфэй, — испуганно пролепетала она, склоняясь, — чем эти недостойные обязаны вашему визиту?

Чуньшен выпрямилась, изящно закинув за спину густые каштановые волосы и совершенно не обращая внимания, что полы её ханьфу намокли и потяжелели. Из всех княжеских жён и наложниц она была самой доброй, и служанки, конечно, понимали, что наказание от неё не будет жестоким, но тем не менее, никому не хотелось испытывать судьбу.

— Стоит ли разлитое ведро воды такого переполоха? — Задумчиво протянула она, обращаясь одновременно ко всем сразу и ни к кому конкретно.

Дождаться ответа она, конечно, не собиралась. Протянув руку Бай Лао, глаза которого после слёз наполнились жгучим песком, она улыбнулась ему, не удостоив остальных и взглядом.

— Идём со мной.

Держать за руку госпожу не пристало слуге. Но можно ли винить за это ребёнка?

Ян Чуньшен всегда была взбалмошной и неусидчивой. Попав в гарем, она была немногим старше ребёнка, что сейчас так отчаянно цеплялся за её руку. Она была всего лишь служанкой своей молодой госпожи и вообще не должна была становиться наложницей. В те времена ей знатно доставалось от ещё молодой момо, когда она сбегала в соседние павильоны к княжеским танцовщицам и музыканткам, пренебрегая работой. Но всякий раз, когда её пороли или заставляли стоять на гречке, это лишь подогревало интерес к запретному. В мыслях как наяву всплыли яркие образы, как всегда весёлые танцовщицы обряжали маленькую девочку в разноцветные дорогие шелка и они танцевали ночь напролёт; как однажды она растянула лодыжку, а противная момо на следующий день отхлестала её своим ивовым прутом и заставила весь день таскать тяжёлые ведра то с водой, то с отходами. Сегодняшнее происшествие так ярко напомнило ей об этом, что невозможно было остаться в стороне.

Но несмотря на все тяготы, Чуньшен нравилось быть служанкой. Князь Фэн У никогда не отличался особенной жестокостью или даже интересом к слугам — у него хватало и женщин и других проблем. Чуньшен мечтала, что когда-нибудь она встретит мужчину и, может быть, ей даже позволят уйти и создать с ним семью. Она представляла себя женой какого-нибудь торговца — у них был бы простой дом полный любви и детского смеха. Как страстно она этого желала.

Ей было всего пятнадцать, когда Фэн У заметил её, танцующей в свете звёзд и полной луны. И все её мечты разбились, разлетелись осколками хрустальной вазы. Она получила титул, но окончательно и бесповоротно потеряла возможность распоряжаться собственной жизнью.

Чуньшен опустила взгляд — Бай Лао, потерянный маленький мальчик, смиренно молчал, сжимая ладонь очередной незнакомки. Она горько усмехнулась. Быть может, не будь она такой легкомысленной, у неё мог бы быть сын примерно его возраста.

— Почему ты не пришёл ко мне раньше?

Бай Лао стыдливо порозовел и закусил губу.

— Я не мог вспомнить имени госпожи.

Чуньшен рассмеялась. Конечно. Что за очаровательный ребёнок.

Бай Лао не допускался раньше в ту часть гарема, куда его привели. Это были просторные, дорого украшенные павильоны для самых любимых наложниц и княжеских жён. И, конечно, все они смотрели на него — кто-то любопытно, кто-то с отвращением. Но Чуньшен шла уверенно, гордо вскинув голову — за годы, проведённые в этом змеином гнезде, она научилась не обращать внимания на пересуды. Да и не сказать, что ей когда-либо вообще было до этого дело.

— Сяньфэй!

Бай Лао вздрогнул, услышав знакомый строгий голос. Он упёрся взглядом в подол алого ханьфу, не решаясь смотреть выше.

— Будь добра объясниться?

— Ох, шуфэй, — совершенно небрежно отозвалась Чуньшен, — не принимай близко к сердцу. Этот мальчик так несчастен, а моя гребневица[3] такая грубая, повырывала мне уже половину волос. Я просто хочу дать ему шанс и посмотреть, на что он способен.

Сяомин явно не осталась впечатлена её нелепыми объяснениями. Она тяжело вздохнула, и Бай Лао всеми косточками почувствовал её прожигающий взгляд.

— Иногда то, что один называет шансом, для другого оборачивается погибелью.

Чуньшен и Сяомин встретились взглядами. Их немой диалог не разбрасывал искры, напротив, они хорошо понимали друг друга. Женщины с разными судьбами, когда-то у них у всех были одинаковые мечты.

Сяомин ещё раз посмотрела на пару перед собой и задалась вопросом — кто из них сжимал руку сильнее, одинокий ребёнок или одинокая женщина? Так и не найдя ответа, она отступила.

Комментарии и примечания:

[1] Момо — буквально «мама». Женщина, к которой приводили новых служанок и которая за ними следила.

[2] В китайском гареме для служанок были очень строгие правила. Существовало даже правило, как нужно спать: обязательно переместившись на бок и вытянув руки. И за этим тщательно следили. Со временем девушки выучивались засыпать только таким образом, не

шевелись до самого утра.

[3] Вообще, я нашла очень мало информации об иерархии непосредственно служанок в гареме, хотя она, конечно, там была. В целом иерархия гарема строилась таким образом: служанки подчинялись наложницам, наложницы — жёнам, жёны — императрице. В одной из статей, я выяснила что точно существовали «служанки с гребнями» и «служанки с полотенцами». В моей вольной интерпретации, тех что «с гребнями» я назвала «гребневицами» и дала им довольно высокую ступень иерархии в качестве прислуги княжеских жён. так что, Бай Лао у нас начал продвигаться по карьерной лестнице.

<http://bllate.org/book/14934/1323629>